

Редьярд Киплинг

Лиспет

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Лиспет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648295

Аннотация

«Она была дочерью горца Сону и Джадех, его жены. Один год случился неурожай маиса, а на их единственном маковом поле, как раз над долиной Сэтлэджа, на Котгархской стороне, провели ночь два медведя. Поэтому в следующем году Сону с женой стали христианами и принесли своего ребёнка в христианскую миссию крестить. Котгархский священник окрестил девочку Елизаветой, или, как произносят горцы-пахари, Лиспет...»

Редьярд Киплинг

Лиспет

* * *

Она была дочерью горца Сону и Джадех, его жены. Один год случился неурожай маиса, а на их единственном маковом поле, как раз над долиной Сэтлэджа, на Котгархской стороне, провели ночь два медведя. Поэтому в следующем году Сону с женой стали христианами и принесли своего ребёнка в христианскую миссию крестить. Котгархский священник окрестил девочку Елизаветой, или, как произносят горцы-пахари, Лиспет.

Через несколько лет после этого Котгархскую долину посетила холера и унесла Сону и Джадех, а Лиспет сделалась полуслужанкой, полукомпаньонкой жены котгархского священника. Это было после воцарения моравских миссионеров в тех местах, но до того, как Котгарх позабыл своё название «Владычицы северных гор».

Не знаю, христианство ли так усовершенствовало Лиспет, или боги её страны одарили её этим свойством, которому было суждено проявиться при каких угодно обстоятельствах, только она выросла прелестной девушкой. Если горная девушка красива, то стоит пройти пятьдесят миль по плохой

дороге, чтобы взглянуть на неё. У Лиспет было греческое лицо, одно из тех лиц, которые люди рисуют так часто и видят так редко. Цвет её лица был бледный, как слонобая кость, и для своего племени она была необыкновенно высока. Глаза у неё были также чудные, и не одевайся она в отвратительное ситцевое платье, столь любимое миссионерами, вы бы могли, встретясь с ней неожиданно в горах, принять её за саму римскую Диану, вышедшую на охоту.

Лиспет была хорошей христианкой и, когда выросла, не отступилась от христианства, как делают многие горные девушки. Земляки ненавидели её за то, как они говорили, что она сделалась «белой женщиной» и каждый день умывалась, а жена капеллана не знала, что ей с ней делать. Нельзя заставлять мыть тарелки и блюда стройную богиню, ростом в пять футов и десять дюймов. Лиспет играла с детьми капеллана и училась в воскресной школе, перечитала все книги, какие были в доме, и с каждым днём хорошела, словно царевна в волшебных сказках. Жена капеллана говорила, что ей следует поступить няней в Симле или устроиться на какое-нибудь «порядочное» место. Но Лиспет не желала поступать в услужение. Она была счастлива и там, где жила.

Когда путешественники – их было немного в эти годы – заезжали в Котгарх, она обычно запиралась в своей комнате, боясь, как бы её не увезли в Симлу, к незнакомым людям.

Однажды, когда Лиспет уже было семнадцать лет, она пошла прогуляться. Она не гуляла, как гуляют английские да-

мы, уходя мили за полторы, а затем возвращаясь назад в экипаже или верхом. Она проходила миль двадцать – тридцать во время своих прогулок ради моциона между Котгархом и Нархундой. В этот раз она вернулась уже в сумерки, спускаясь с крутого склона, неся что-то тяжёлое в руках. Жена священника дремала в гостиной, когда Лиспет вошла, еле переводя дух, тяжёлой поступью, выбившись из сил со своей ношей. Она положила её на стол и сказала просто:

– Это мой муж. Я нашла его на дороге в Баги. Он расшибся. Мы выходим его, а когда он выздоровеет, ваш муж повенчает нас.

Впервые Лиспет высказала свои взгляды на замужество, и жена капеллана вскрикнула от ужаса. Однако необходимо было прежде всего заняться человеком, лежавшим на диване. Это был молодой англичанин, и на голове у него была рваная рана. Лиспет сказала, что она нашла его на склоне холма и принесла домой. Он как-то странно дышал и был без сознания.

Его положили в постель, и священник, кое-что понимавший в медицине, перевязал его рану, а Лиспет стояла за дверью на тот случай, если бы понадобилась её помощь. Она объяснила священнику, что намеревается выйти замуж за этого человека, и священник с женой прочли ей строгую проповедь по поводу такого неприличного поведения. Лиспет выслушала спокойно и подтвердила своё намерение. Нужна большая доза христианского чувства, чтобы искоренить ди-

кие восточные инстинкты, например, такие, как способность влюбляться с первого взгляда. Найдя человека, достойного её преклонения, Лиспет не понимала, для чего ей молчать о сделанном ею выборе. Она также не намеревалась уходить из Котгарха. Она собиралась ухаживать за этим англичанином, пока он не поправится настолько, что сможет жениться на ней. Такова была её программа.

После двухнедельной лёгкой лихорадки из-за воспаления раны англичанин пришёл в сознание и благодарил капеллана, его жену и Лиспет за их доброту. Он рассказал, что путешествовал по Востоку – в то время, когда компания Восточного пароходства была молода и имела мало судов и термин «глобтроттер» ещё не был известен – и пришёл из Дэра Дена, собирая растения и бабочек в горах Симлы. Таким образом, в самой Симле путешественника никто не знал. Он предполагал, что свалился со скалы, стараясь достать папоротник, росший на сгнившем древесном стволе, а носильщики-кули украли его багаж и убежали. Он намеревался, оправившись немного, вернуться в Симлу и больше уже не собирался продолжать лазать по горам.

Англичанин не спешил уходить и поправлялся медленно. Лиспет не слушала наставлений священника и его жены, поэтому последняя переговорила с англичанином и открыла ему сердечные дела Лиспет. Он долго смеялся и говорил, что это очень мило и романтично, но что у него уже есть невеста дома, так что он надеется, что все обойдётся благополуч-

но. Он, конечно, будет вести себя благоразумно. И он сдержал своё обещание. Но беседы с Лиспет забавляли его: ему нравилось гулять с ней, нащёптывая ей милые вещи и называя её уменьшительными именами, в ожидании того времени, когда он окончательно поправится. Для него это не имело никакого значения, а для Лиспет значило все на свете. Она была бесконечно счастлива в продолжение этих двух недель, потому что нашла человека, которого полюбила.

Дикарка по рождению, она не пыталась скрывать своих чувств, и это забавляло англичанина. Когда он покидал миссию, Лиспет пошла его проводить по горам до Нархунды; она была грустна и несчастна. Жена священника, как добрая христианка и притом ненавидящая всякий намёк на скандал – Лиспет уже окончательно отбилась у неё от рук – посоветовала англичанину сказать Лиспет, что он вернётся, чтобы жениться на ней.

– Она ещё ребёнок, – говорила жена священника, – и, боюсь, в душе осталась язычницей.

Таким образом, на протяжении всех двенадцати миль, которые они прошли по горным дорожкам, англичанин, обняв за талию Лиспет, уверял её, что он вернётся и женится на ней, а Лиспет заставляла его повторять это обещание без конца. Стоя на Нархундском перевале, она плакала, пока англичанин не скрылся из глаз в Мутьянском проходе.

Потом она осушила слезы и вернулась в Котгарх, где сказала жене священника:

– Он вернётся и женится на мне. Он ушёл к своим, чтобы сказать им это.

И жена священника утешала Лиспет, говоря:

– Он вернётся, вернётся...

Когда прошло два месяца, Лиспет начала беспокоиться, и ей сказали, что англичанин уехал в Англию, за море.

Она знала, где Англия, потому что проходила начальный курс географии, но, конечно, как уроженка гор, не могла представить себе, что такое море. В доме нашлась старая карта полушарий. Лиспет ещё ребёнком играла с ней. Теперь она снова открыла её, раскладывала по вечерам и плакала над ней, стараясь вообразить себе, где находится её англичанин. Так как она не имела никакого понятия о пространстве и пароходах, то представление получалось у неё довольно путаное. Впрочем, будь оно и вполне правильное, большой разницы не было бы, потому что англичанин не имел ни малейшего намерения возвращаться, чтобы жениться на уроженке гор. Он и думать забыл о ней, гоняясь за бабочками в Ассаме. Впоследствии он написал книгу о Востоке, но имя Лиспет в ней не встречается.

По прошествии трех месяцев Лиспет стала ежедневно ходить в Нархунд, чтобы посмотреть, не идёт ли англичанин по дороге. Это успокаивало её, а жена священника, видя её повеселевшей, думала, что она наконец выбросила из головы «эту варварскую и неделикатную глупость». Но через некоторое время прогулки уже не приносили успокоения Лиспет,

и она стала очень раздражительной. Жена священника выбрала подходящую минуту, чтобы открыть ей действительное положение вещей: что англичанин только ради её утешения обещал любить её, что другого у него и в мыслях не было, а со стороны её, Лиспет, даже глупо и неприлично думать о браке с англичанином, слепленным из глины высшего качества, а кроме того, уже помолвленным с девушкой своего племени. Лиспет отвечала, что все это невозможно, и ведь сама же она, жена священника, уверяла её, что англичанин вернётся.

– Как же может быть неправдой то, что сказали вы и он? – спрашивала Лиспет.

– Мы сказали это, чтобы только успокоить тебя, – отвечала жена священника.

– Стало быть, вы лгали, – заключила Лиспет, – вы оба?

Жена священника опустила голову и не ответила ничего. Лиспет молчала некоторое время, потом она пошла в долину и вернулась в одежде горной жительницы, невероятно грязной, но колец в носу и ушах у неё не было. Волосы свои она заплела в несколько тонких кос, перевитых чёрными нитками, как носят горные девушки.

– Я вернусь к своему народу, – сказала она. – Вы убили Лиспет. Осталась только бывшая дочь Джадех – дочь пахари и служительница Тарка Дэви. Все вы, англичане, лгуны.

Когда жена капеллана опомнилась от потрясения, испытанного ею при заявлении, что Лиспет вернулась к богам сво-

ей матери, девушки и след простыл, и её уже не видели больше в семье священника.

Она страстно полюбила жизнь своего нечистого народа, словно желая наверстать те годы, которые прожила вдали от него, и через некоторое время вышла замуж за дровосека, который бил её, по обычаю пахари, и её красота скоро поблекла...

– Нет такого закона, который помог бы вам предвидеть все сумасбродства язычников, – говорила жена священника, – и я уверена, что Лиспет в душе была всегда язычницей.

Принимая во внимание, что Лиспет была принята в лоно англиканской церкви в «зрелом» возрасте пяти недель, надо думать, что подобное заявление не делало чести жене священника.

Лиспет умерла старухой. Она всегда прекрасно говорила по-английски и, подвыпив, иногда соглашалась рассказать историю своей первой любви.

Трудно было тогда представить себе, что согбенное морщинистое существо, изношенное, как старая тряпка, та самая «Лиспет из Котгархской миссии».